

ЛИДИЯ И. САЗОНОВА

К ФОРМИРОВАНИЮ НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ Б. М. ЭЙХЕНБАУМА (ИЗ ПИСЕМ УЧЕНОГО АКАДЕМИКУ А. А. ШАХМАТОВУ)

Абстракт

В данной работе предлагается публикация архивных документов – писем выдающегося русского филолога XX века Б.М. Эйхенбаума, адресованных в 1914–1915 годах академику А.А. Шахматову. Содержание писем дает представление о формировании научных интересов Эйхенбаума, а также свидетельствует о деятельном участии, какое принимал в его судьбе Шахматов, и о постоянном тесном общении молодого ученого и лидера филологической науки того времени.

Abstract

In this article we make a publication of an archival documents – the letters of the outstanding Russian philologist of the XX century Boris M. Eikhenbaum, addressed in 1914–1915 to the Academician Aleksei A. Shakhmatov. Its contents provides insight into the formation of Eikhenbaum's scientific interest, as well as gives evidence concerning an active participation, which Shakhmatov took in Eihhenbaum's destiny, and a permanent close contact of the young scientist and the leader of Russian philology at that time.

Ключевые слова

переписка, формирование научных интересов, филология, синтаксис, семантика, фонетика, стиль поэта

Key words

correspondence, the formation of scientific interests, philology, syntax, semantics, phonetics, the style of a poet

Б.М. Эйхенбаум – крупнейшая фигура в русской филологической науке XX века, исследователь А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, А.А. Ахматовой. Каждому исследователю-руссисту известна его статья «Как сделана «Шинель» Гоголя». Ученый ввел в науку понятие «литературного быта». Он – один из выдающихся текстологов, комментаторов изданий Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова.

В 1912 г. Б.М. Эйхенбаум (1886–1959) окончил славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета и был оставлен здесь для получения профессорского звания.

К этому периоду относятся предлагаемые к публикации письма Б.М. Эйхенбаума, адресованные профессору университета, академику, председательствующему в Отделении русского языка и словесности Академии наук, А.А. Шахматову (1864–1920). Содержание писем дает представление о научных интересах Эйхенбаума, а также свидетельствует о деятельном участии, какое принимал в его судьбе Шахматов, и о постоянном тесном общении молодого ученого и лидера филологической науки того времени («Я сделал, как вы мне посоветовали», «я хочу еще раз письменно посоветоваться с Вами», «надеюсь весной окончательно побеседовать с Вами»).

Обращаясь к Шахматову за научным советом, Эйхенбаум внимательно прислушивался к его рекомендациям, и, в частности, отмечал, что «сосредоточился на синтаксических вопросах по книге Овсяннико-Куликовского». Здесь необходимо отметить, что совет Шахматова был не случаен. В начале 1900-х годов проблематикой синтаксиса активно занимался лингвист, литературовед Д.Н. Овсяннико-Куликовский (1853–1920, почетный академик с 1907), и даже начало его работы сразу же обратило на себя внимание Шахматова. Так, второго октября 1901 г. Шахматов писал Овсяннико-Куликовскому: «Меня сильно заинтересовал Ваш труд по синтаксису. Мысль Ваша дать извлечение из него для школьного преподавания представляется весьма целесообразною. Удалось ли Вам определить главнейшие синтаксические особенности, разделяющие группы русского языка, подобно особенностям фонетическим и морфологическим? Если Вы задумывались над этим вопросом, хорошо бы дать об этом особую заметку, не дожидаясь печатания всего труда»¹. Первые результаты исследования Овсяннико-Куликовского получили самую высокую оценку: «Очень Вам благодарен, – писал Шахматов пятого апреля 1902 г., – за присланные листы синтаксиса. Прочел их с удовольствием и не ослабевшим до конца интересом. Вы проложили надежный путь для научной и школьной обработки нашего синтаксиса. Удивляюсь ясности изложения. Давно не читал книги с бóльшим удоволь-

¹ Институт русской литературы (ИРЛИ). Фонд 211. Опись 1. Дело 250. Лист 2.

ствием. С нетерпением жду присылки продолжения»². Первое издание книги Д.Н. Овсяннико-Куликовского «Синтаксис русского языка» увидело свет в том же 1902 г.

Итак, по совету Шахматова, Эйхенбаум обратился к проблематике синтаксиса по труду Овсяннико-Куликовского, который, кстати, вышел в 1912 г. вторым изданием. Из письма от 15 декабря 1915 г. следует также, что Эйхенбаум живо интересуется семантика, которая «прямо нужна для серьезной литературной работы», и он знакомится с трудом французского лингвиста Мишеля Бреалья (1832–1915), признанного основоположника новой лингвистической поддисциплины, – «Опыт семантики, науки о значениях» («*Essai de sémantique, science de significations*», 1897). На М. Бреалья ученый ссылается, и обсуждая проблему влияния предлогов на склонение имен существительных³.

Как о вопросе, относящемся к семантике, Эйхенбаум пишет о «“внутренней форме” имен существительных в русском языке и, в связи с этим, об имени существительном, как особой форме мысли»; отметим попутно, что теорию внутренней формы слова, в отличие от внешней, определяемой родом, числом, падежом, впервые в русской науке выдвинул А.А. Потебня, к школе которого принадлежал и Овсяннико-Куликовский. К «большому, широкому» вопросу о «внутренней форме слова» примыкает, по мысли Эйхенбаума, «меньший» – о «“бессубъективных” предложениях», т.е. о безличных и модальных конструкциях, не имеющих субъекта действия; ученый полагал, что «особенно интересно проследить их развитие в истории языка».

Поскольку интерес к литературе у Эйхенбаума явно преобладал, то совершенно очевидно, что фонетика и грамматические категории интересовали его прежде всего с точки зрения семантики, выражения ими определенного содержания и стиля: «Занятие языком – и не только синтаксисом, но и фонетикой, очень важны для углубления в стиль поэта. Ведь стиль создается именно чувством этой “внутренней формы” в каждом слове. Поэтому для поэта слово – не знак, а знание». Очень точно и внятно Эйхенбаум сформулировал в этом письме Шахматову свое представление о методах филологического исследования, необходимых историку литературы: «Историк литературы должен быть филологом в прямом смысле – иначе он не

² ИРЛИ Ф. 211. Оп. 1. Д. 250. Л. 7.

³ См. примеч. 12.

сумеет подойти к самому материалу. Вот почему меня так заботит вопрос о том, как соединить работу историко-литературную с чисто филологической»⁴.

Однако осуществление научных планов Эйхенбаума затруднялось необходимостью для него поиска постоянного заработка; известно, что с 1914 г. он начал преподавать в петербургской гимназии Якова Гуревича. Но, как следует из письма, заработка от 24 уроков в школе не хватало. В результате, продолжать работу, как отмечал Эйхенбаум, «почти не удастся по недостатку времени». Такое положение заставило ученого упомянуть о возможности получения для него стипендии. Как можно понять из письма, по этому вопросу велись предварительные разговоры и, возможно, уже существовала некоторая договоренность. Вовлеченный в это дело декан историко-филологического факультета Федор Александрович Браун (1862–1942), по-видимому, уже ждал от Шахматова соответствующего ходатайства, чтобы дать делу ход. Реакция Шахматова последовала незамедлительно, ученый вообще всегда отличался исключительным вниманием к подготовке молодых научных кадров, оказывая им всестороннюю поддержку (Робинсон 1985, 70–74; Робинсон 1989, 86–92). На обороте письма Эйхенбаума Шахматов составил два черновика ходатайств, одно – на имя Ф.А. Брауна, другое адресовано профессору, члену Ученого Комитета Министерства народного просвещения Илье Александровичу Шляпкину (1858–1918). Шахматов писал Брауну: «Отличные способ[ности] и широкое образ[ование] Эйхенбаума делают весьма желательным предоставление ему воз[можности] поработать в интер[есующей] его научной области».хлопоты Шахматова и его коллег возымели успех. Уже в следующем письме, от 27 сентября 1916 г., Эйхенбаум наряду с обсуждением научных проблем «еще раз» благодарил Шахматова за поддержку в деле получения стипендии.

Какие же научные вопросы «еще раз письменно» хотел задать Шахматову Эйхенбаум? Они касались проблемы генезиса грамматической категории рода; изложенные им положения соответствовали представлениям науки своего времени, и, кстати, разделяются современной лингвистикой.

«В русском яз[ыке] еще очень важно, что глагол, вне причастных форм, не изменяется по родам. Это значит, что грамматический род

⁴ Последняя цитата опубликована: Чудакова, Тодес 1987, 14; см. также: Робинсон 1989, 90–91.

действует только в какой-то определенной языковой группе, а не распространяет своего влияния на весь язык, как это должно было бы быть, если бы здесь была не только грамматическая форма, но и сознание рода. Значит, можно думать, что самая мысль о грамматическом роде и о классификации имен существительных по родам явилась по аналогии с именами, обозначающими одушевленных существ и повлиявших на другие основы. Слова, образованные вне этой аналогии и не имеющие никакого отношения к роду, образовали особую группу слов среднего рода, хотя это название совершенно бессмысленно и самым своим существованием разбивает теорию рода. Вот так складывается у меня общее воззрение на грамматический род. Как же мне применить его на деле, раз я не могу, по недостаточности сведений по сравнит[ельному] языкознанию, заняться им самим в полном объеме. Мне представляется возможным и интересным сделать так. Взять русского автора – напр[имер], Толстого – и проследить, что значат в его языке эти «родовые» различия в согласовании и склонении. Есть ли в его языковом сознании реальное чувство рода по отношению к словам или нет? Мне только трудно еще сказать, на основании каких признаков я могу здесь делать заключения. Не поможете ли мне советом и не скажете ли, как Вы относитесь к моей общей точке зрения на грамматический род? Может быть, лучше нам теперь же еще раз повидаться, чтобы побеседовать об этом? Я спешу с этим, потому что хочу теперь же, в ближайшие месяцы, поработать над вопросами по языку, а неясность одного вопроса мешает мне спокойно заниматься другим».

Эйхенбаума интересовало, каким образом можно применить теорию рода и в каком направлении развивать свою работу, чтобы она «могла бы быть плодотворной». Ученый намеревался проанализировать сочинения Л.Н. Толстого, и «проследить, что значат в его языке эти “родовые” различия в согласовании и склонении. Есть ли в его языковом сознании реальное чувство рода по отношению к словам или нет». Однако он затруднялся в вопросе о том, «на основании каких признаков можно делать заключения». Таким образом, в научных планах Эйхенбаума возникает как предмет анализа фигура Л.Н. Толстого, изучению творчества которого ученый посвятил впоследствии более сорока лет жизни⁵; известно, что над первой статьей о Толстом он работал в 1918 г.

⁵ В начале 2010 г. вышел труд, включающий все работы Б.М. Эйхенбаума о Л.Н. Толстом (четыре книги и статьи) (Эйхенбаум, 2010).

Эйхенбаум интересовался отношением Шахматова к своей точке зрения на грамматический род, испрашивал у него совета, он даже предлагал «еще раз повидаться, чтобы побеседовать об этом», спешил прояснить для себя волновавшие его вопросы, поскольку неясность одного из них мешала ему «спокойно заниматься другим». Между тем, из письма от 8 декабря того же, 1916, года следует, что в круг его интересов входит также Аввакум, и он пишет Шахматову короткое письмо с просьбой рекомендовать ему одно из двух современных изданий «Жития» Аввакума (1904; 1911). Можно предполагать, что обращение к Аввакуму также связано с интересом к вопросам синтаксиса, о которых Эйхенбаум писал в одном из рассмотренных нами писем («проследить, насколько устойчиво было управление предлогов падежами в древнерусском и так подойти к современному – это была бы полезная работа»), либо уже тогда возник у ученого замысел статьи «Иллюзия сказа», появившейся в 1918 г. в периодическом издании «Книжный угол» и вошедшей затем в сборник его работ «Сквозь литературу» (1924). В поисках новых теоретических подходов к изучению художественной прозы Эйхенбаум обратил внимание на роль «живого слова» в создании произведений, полагая, что «в этом отношении необыкновенно интересен протопоп Аввакум, стиль которого, я думаю, сильно повлиял на Лескова» (Эйхенбаум 1918, 13).

Увлечение «чистой филологией (фонетика, семантика)», как сам охарактеризовал свои занятия в 1916 г. Эйхенбаум (Чудакова, Тодес 1987, 13), нашли отражение в одной из первых его крупных работ, посвященных изучению поэтического языка. В книге «Анна Ахматова. Опыт анализа» (1923) одна из трех составляющих ее глав посвящена вопросам поэтического синтаксиса (Эйхенбаум 1923, 27–62) и в издании 1925 г. получила соответствующее проблеме название («О синтаксисе Анны Ахматовой»⁶; работа Эйхенбаума о синтаксисе в поэзии Ахматовой стала классической и остается одной из лучших).

В публикуемых письмах Эйхенбаума периода 1915–1916 гг. сформулированы две принципиально важные и характерные для его научного метода установки. Это, во-первых, сравнительно-исторический подход: при обсуждении лингвистических вопросов предполагается сопоставление изучаемых явлений в таких языках, как финский, латинский, древнерусский, русский, в другом случае речь

⁶ См.: Современная русская критика 1925, 213–226.

идет о финском, грузинском, персидском, английском. Во-вторых, заметно стремление ученого постигать современное и новое через обращение к прошлому культурному опыту – языковому, литературному. Так намечались пути к оригинальной, нетрадиционной постановке вопросов и тем.

И в дальнейшем много еще в жизни блестящего литературоведа Б.М. Эйхенбаума было научных успехов, но немало и тяжелых испытаний, и несправедливых гонений. Уход его из жизни был воспринят питерской интеллигенцией как трагическая утрата. «Все мы в Ленинграде под впечатлением смерти Эйхенбаума, – писал Д.С. Лихачев 29 ноября 1959 г. своему московскому коллеге А.Н. Робинсону. – Дирекция (Буш[мин] и Баз[анов])⁷ даже не явились на похороны. А народищу на похоронах была пропасть. Забили все здание Дома писателей. Стояли в пальто во всех помещениях вплоть до лестницы – до самого гардероба.

Слава ученого не определяется чинами и званиями!! Вот о чем следует помнить всем нам!

Хорошо говорили Еремин, Макогоненко⁸, Шкловский (цитировал “Слово”⁹ – “звери кровь нашу полизали”, “немного уже нас осталось”). Очень плакал Шкловский¹⁰.

Публикуемые письма хранятся в фонде А.А. Шахматова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Список литературы

- Breal, M. 1897. *Essai de sémantique, science de significations*. Paris.
 Житие 1911. *Житие пророка Аввакума, написанное им самим / Изд. И.Я. Гаврилов. (Библиотека «Старообрядческая мысль» / Под ред. И.В. Галкина). Москва.*
 Житие 1904. *Житие пророка Аввакума, написанное им самим / Изд. А.Е. Беляев. Изд. 2. СПб.*
 Овсяннико-Куликовский, Д.Н. 1912. *Синтаксис русского языка. СПб.*

⁷ Имеются в виду А.С. Бушмин, бывший тогда директором Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, и В.Г. Базанов.

⁸ И.П. Еремин и Г.П. Макогоненко – профессора филологического факультета Ленинградского университета.

⁹ Имеется в виду «Слово о полку Игореве».

¹⁰ Письма Д.С. Лихачева своему московскому коллеге-древнику А.Н. Робинсону находятся в личном архиве В.А. Плотниковой-Робинсон.

- Робинсон, М.А. 1985. А.А. Шахматов и В.В. Виноградов. *Русская речь* 1.
 Робинсон, М.А. 1989. А.А. Шахматов и молодые ученые. *Русская речь* 5.
 Современная русская критика 1925. *Современная русская критика (1918–1924). Сборник (Образцы и характеристики)*. Ленинград.
 Чудакова, М.О., Тодес, Е.А. 1987. Наследие и путь Б. Эйхенбаума // Эйхенбаум, Б.М. *О литературе. Работы разных лет*. Москва 14;
 Эйхенбаум, Б. 1918. Иллюзия сказа. *Книжный угол. Обзоры. Библиография. Хроника* 2. Пб.
 Эйхенбаум, Б.М. 1923. *Анна Ахматова. Опыт анализа*. Пб.
 Эйхенбаум, Б.М. 2010. *Лев Толстой. Исследования. Статьи*. СПб.

1.

15 декабря 1915 г.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Я сделал, как вы мне посоветовали – сосредоточился на синтаксических вопросах по книге Овс[ьянко]-Куликовского¹¹. Мне кажется, что в наибольшей связи с семантикой, которая меня очень интересует и прямо нужна для серьезной литературной работы*, стоит вопрос о «внутренней форме» имен существительных в русском языке и, в связи с этим, об имени существительном, как особой форме мысли. Это вопрос – большой, широкий, а к нему примыкает другой, меньший, которым мне тоже было бы важно заняться – вопрос о «бес-субъективных» предложениях. Особенно интересно проследить их развитие в истории языка. Наконец, еще один вопрос очень меня интересует – о влиянии предлогов на склонение имен существительных. Breal¹² находит, что «a partir du jour où la langue possède des enacetions, l'existence de la déclinaison est menacée»¹². Ведь, по-видимому, отсюда происходят такие простонародные формы, как «за грибам» или «я пойду к сестрь»? Не остановиться ли на этом вопросе, как более мелком, прежде всего? Breal¹³ говорит, что в латинском языке уже во II веке по Р.Х. путали употребление падежей с предлогами: ex litteras, a rigorem¹³ и т.д. Меня заинтересовало это еще в связи с финским языком, ко-

¹¹ По-видимому, Б.М. Эйхенбаум имеет в виду второе издание книги Д.Н. Овсянко-Куликовского «Синтаксис русского языка».

¹² «Если существуют предлоги, склонение уже под угрозой» (Breal 1897, 19)

¹³ Приведенные примеры взяты из следующего пассажа: «Dans une autre, à peu près du meme temps: ex litteras. Le latin d'Afrique, dès l'époque d'Hadrien, présente fréquemment ce genre de faute. Un ingénieur de Lambèse, qui sait d'ailleurs bien sa langue, se trompe sur ce point : il écrit: a rigorem, sine curam» (Breal 1897, 21). («В другом тексте того же времени: ex litteras. В латинском языке, который используется в Африке времен Адриана, ошибки такого рода встречаются постоянно. Так, инженер из Ламбеза, неплохо, впрочем, владеющий латинским, часто ошибается в склонении – пишет: a rigorem, sine curam»). Обсуждая вопрос о синтаксисе падежей в русском языке, Эйхенбаум приводит примеры неразличения падежей родительного и дательного, творительного и дательного в таких «простонародных формах», как: «я пойду к сестрь», «за грибам»; добавим от себя, что отмеченная Эйхен-

торый предлогов не знает – ведь это особое мышление! Проследить, насколько устойчиво было управление предлогов падежами в древнерусском и так подойти к современному – это была бы полезная работа.

Занятия языком – и не только синтаксисом, но и фонетикой, очень важны для углубления в стиль поэта. Ведь стиль создается именно чувством этой «внутренней формы» в каждом слове. Поэтому для поэта слово – не знак, а знание. Историк литературы должен быть филологом в прямом смысле – иначе он не сумеет подойти к самому материалу. Вот почему меня так заботит вопрос о том, как соединить работу историко-литературную с чисто филологической. Сейчас это мне почти не удастся по недостатку времени. У меня 24 урока в школе, да еще приходится брать частную работу – и то трудно в такое время. Если бы дали стипендию – я мог бы устроиться иначе.

Очень благодарю Вас за участие и надеюсь весной окончательно побеседовать с Вами о вопросах для магистерского экзамена. Федору Александровичу я позвоню завтра и скажу, что написал Вам – он будет ждать письма от Вас, как было условлено.

Искренно благодарный Вам
Б. Эйхенбаум

* Я сейчас читаю Bréal'я.

8 Рождественская 21, кв. 17.

ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1740. Л. 1–2.

2.

Письмо А.А. Шахматова Ф.А. Брауну на обороте письма Б.М. Эйхенбаума от 15 декабря 1915 г.

Глуб[окоуважаемый] Федор Алек[сандрович]

Однов[ременно] пишу Илье Александровичу и сообщаю ему, какие у меня ближайшие виды интересоваться Б.М. Эйхенбаумом и почему я просил бы его иметь в виду и мое ходатайство при обсуж[дении] вопроса о наз[начении] ему стипендии. Эйхенбаум стал интересоваться научным синт[аксисом] русского языка, а имен[но] синт[аксисом] пад[ежей] и безличными предложениями. Это побуждает меня просить также и Вас поддержать ходатайство ф[акультета]. Отличные способ[ности] и широкое образ[ование] Эйхенбаума делают весьма желательным предоставление ему воз[можности] поработать в интер[есующей] его научной области.

ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1740. Л. 2 об.

3.

Письмо А.А. Шахматова И.А. Шляпкину на обороте письма Б.М. Эйхенбаума от 15 декабря 1915 г.

Глуб[окоуважаемый] Илья Алек[сандрович]

Мне приходится просить Вас еще за одного оставл[енного] при ун[иверсите]те, за Б.М. Эйхенбаума. Узнал его в последнее время ближе по его работам по русскому языку. Определ[енных] результатов они еще не дали, но меня очень радует, что нашелся наконец человек, заинтересовавшийся научным синтак-

баумом путаница предлогов является, по-видимому, результатом влияния севернорусских диалектов (олонецкого, например).

сисом. Эйхенбаум уже много сделал в этой области, как вижу из бесед с ним, [нрзб.] он интересуется синтаксисом падежей и безличными предложениями. В силу этого я в факультете подаю голос за Эйхенбаума и очень Вас прошу поддержать ход[атайство] в ф[акультете]те о наз[начении] ему стипендии. Без нее ему не выбиться при 24 уроках в неделю.

ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1740. Л. 2 об.

4.

27 сент[ября] 1916 г.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович

Я хочу еще раз письменно посоветоваться с Вами по вопросу о грамматическом роде. Вопрос этот очень меня интересует, но мне самому трудно решить, в каком направлении, при моих сведениях, эта работа могла бы быть плодотворной.

Мне представляется важным выяснить, когда и почему различное согласование и склонение было понято как различие именно родовое. Ведь ничто, само по себе, не изображает в слове именно род. Иначе кто мешал бы нам всякое применение или различие в языковых формах считать родовым? Можно думать, что такое понимание есть своего рода поэтизация грамматической формы, возникшей совсем на других основаниях. Иностранец, изучающий чужой язык, может вовсе не сознавать этих различий как родовых, а будет их воспринимать как действие разных основ. Да и самый тот факт, что финский, грузинский, персидский и английский языки не имеют рода, как особой грамматической формы, очень много значит.

В русском яз[ыке] еще очень важно, что глагол, вне причастных форм, не изменяется по родам. Это значит, что грамматический род действует только в какой-то определенной языковой группе, а не распространяет своего влияния на весь язык, как это должно было бы быть, если бы здесь была не только грамматическая форма, но и сознание рода. Значит, можно думать, что самая мысль о грамматическом роде и о классификации имен существительных по родам явилась по аналогии с именами, обозначающими одушевленных существ и повлиявших на другие основы. Слова, образованные вне этой аналогии и не имеющие никакого отношения к роду, образовали особую группу слов среднего рода, хотя это название совершенно бессмысленно и самым своим существованием разбивает теорию рода. Вот так складывается у меня общее воззрение на грамматический род. Как же мне применить его на деле, раз я не могу, по недостаточности сведений по сравнит[ельному] языкознанию, заняться им самим в полном объеме. Мне представляется возможным и интересным сделать так. Взять русского автора – напр[имер], Толстого – и проследить, что значат в его языке эти «родовые» различия в согласовании и склонении. Есть ли в его языковом сознании реальное чувство рода по отношению к словам или нет? Мне только трудно еще сказать, на основании каких признаков я могу здесь делать заключения. Не поможет ли мне советом и не скажете ли, как Вы относитесь к моей общей точке зрения на грамматический род? Может быть, лучше нам теперь же еще раз повидаться, чтобы побеседовать об этом? Я спешу с этим, потому что хочу теперь же, в ближайшие месяцы, поработать над вопросами по языку, а неясность одного вопроса мешает мне спокойно заниматься другим.

Еще раз спасибо за Вашу помощь мне в деле стипендии. Я теперь гораздо свободнее и не устаю.

Искренно Вас уважающий
Б. Эйхенбаум

8 Рождественская, д. 21, кв. 17.
ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1740. Л. 3–4 об.

8 Дек[абря] 1916

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Будьте добры – дайте мне знать открыткой, какое издание «Жизни» протопопа Аввакума Вы считаете более удобным для моей работы и правильным по тексту: Беляева (СПб. 1904)¹⁴ или Библиотека «Старообрядческая Мысль» под ред[акцией] И.В. Галкина (М., 1911)¹⁵?* Никак не могу найти в книжных магазинах – не знаете ли, где можно достать. Буду очень благодарен Вам за ответ.

Б. Эйхенбаум

*8 Рождественская 21, кв. 17.
Борису Михайловичу Эйхенбауму.
ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1740. Л. 5 об.

РЕЗЮМЕ

Публикуемые письма Б.М. Эйхенбаума академику А.А. Шахматову свидетельствуют об интересе молодого ученого к вопросам лингвистики, к трудам Д.Н. Овсяннико-Куликовского о синтаксисе и французского лингвиста Мишеля Бреала о семантике. Эйхенбаум полагал, что занятия языком очень важны для углубления в стиль поэта и что историк литературы должен быть филологом в прямом смысле.

Увлечение синтаксисом, фонетикой и семантикой нашло отражение в одной из первых его крупных работ, посвященных изучению поэтического языка («Анна Ахматова. Опыт анализа», 1923).

С интересом к вопросам синтаксиса связано обращение Эйхенбаума к Аввакуму. В поисках новых теоретических подходов к изучению художественной прозы он обратил внимание на роль «живого слова» в создании произведений, полагая, что стиль протопопа Аввакума повлиял на Н.С. Лескова.

SUMMARY

The letters of Boris M. Eikhnenbaum to the Academician Aleksei A. Shakhmatov indicate his interest to the linguistic problems, to the works of Dmitrii N. Ovsianiko-

¹⁴ Имеется в виду (Житие 1904).

¹⁵ Имеется в виду (Житие 1911).

Заметим попутно, что издание 1911 г. является фактически перепечаткой издания 1904 г., они отличались форматом (первое – в 2°, второе – в 4°).

Kulikovskii on the syntax and the French linguist Michel Breal on the semantics. Eikhenbaum was sure that linguistic studies were very important to become absorbed in a poetic style. He considered that a historian of literature should be a philologist in the literal sense.

Passion for syntacs, phonetics and semantics is reflected in one of his first major works devoted to a poetic language (“Anna Akhmatova. Experience in the analysis”, 1923).

In search of a new theoretical approaches to the study of literature Eikhenbaum drew his attention to the role of “living word” in the creation of works and he believed that Avvakum’s style influenced the work of N.S. Leskov.